Матрас

Станислав Лем

SHOUT
SHARE
IT

- Станислав Лем
  - I
  - II
  - III
  - IV

Станислав Лем
Матрас

I

— Дорогой доктор, — сказал я. — Вы не только мой личный врач, но и друг семьи. Проблема, которую я вам хочу доверить, наверняка не относится к медицине, но я нахожусь в таком положении, что уже никому не доверяю, кроме вас.

Доктор Гордон, психиатр, пыхтел своей трубкой, глядя на меня с таким выражением, будто сдерживает снисходительную улыбку. У меня пронеслось в голове: возможно, он думает, что со мной происходит то же самое, что произошло с моим отцом, но в любом случае я должен был говорить дальше.

— Кроме того, — добавил я несколько суше, — вас обязывает врачебная тайна, подобная тайне исповеди. Дело в том — вы внимательно меня слушаете? — что за меня уже взялись. Меня «заказали», как это называют в прессе и на телевидении. У меня нет стопроцентной уверенности, но…

— Подождите, — сказал Гордон. Он методично вытряхивал пепел из трубки в серебряную пепельницу с тремя амурами. — Сначала расскажите мне об этом «заказе». Я предполагаю, что речь идет об угрозе личной безопасности, что вас хотят похитить, да?

— Естественно. Уже произошло столько похожих случаев. У меня есть «New York Times» за понедельник. На примере Билла Харкнера они подробно описывают способ, которым Троянка с ребенкомпроисходит «похищение в виртуальную реальность». Я его даже знал, мы ходили в один колледж. Вы это читали, не так ли?

— Только просмотрел. Знаете, в конце концов это не имеет отношения к моей специальности. Использование современной техники во вред уже так распространено и разнообразно, что никто в отдельности не может быть экспертом в каждом вопросе. Но продолжайте. Вы можете, — он слегка улыбнулся, — быть уверены, что то, что вы говорите в моем кабинете, долетает исключительно до моих ушей…

— Значит, в любом случае, вы знаете, что похищение Билла только случайно не закончилось его смертью?

— Знаю, конечно. Просто отключилось электричество в том районе города, в котором его держали на чердаке, и он пробудился, то есть сориентировался, кто он на самом деле и что было только иллюзией, вызванной фантоматизацией. И что? Вы думаете, что и на вас нападают? На каком основании?

Я не был до конца уверен, относится ли Гордон к моему беспокойству с полной серьезностью. Может, он желал бы, чтобы

я просто предавался иллюзиям, типичным для его специальности? Но так или иначе, я уже слишком далеко зашел и должен был говорить дальше.

— Это так, — сказал я. — Еще пять лет назад вся эта история с инвестициями в «виртуальную технику» или там «реальность» казалась мне несерьезной. Так вот, когда всеобщим помешательством были йо-йо, я не захотел стать совладельцем Visionary Machines, хотя мои брокеры уговаривали меня, чтобы я приобрел, по крайней мере, двадцать процентов акций. Но я не верил. Зато сразу про себя подумал, что так же, как возникло computer crime, возникнет, в свою очередь, и virtuality crime. И был прав, но вы же, наверное, понимаете, что человек с моим положением в обществе, уважаемый и так далее, не будет заниматься чем-либо, что дает в первую очередь пищу для журналистов и авторов триллеров?

— Все это вы не обязаны были мне говорить, — заметил Гордон. Его трубка погасла, он ковырялся в ней, что оставило у меня неприятный осадок, потому что я ожидал большей концентрации внимания на моих словах. В конце концов, я не был обычным человеком, просто пациентом Гордона: он всегда достаточно уважал меня, чтобы его квартальные счета достигали рекордной величины.

— Допустим, — продолжал я. — В любом случае, я прав в своих ожиданиях, что, когда качество виртуальной реальности сравняется с качеством настоящего мира, когда все труднее станет отличать эти фантоматические иллюзии от обычной действительности, дело приобретет отвратительный вид… и развитие.

— Знаю. — После определенных усилий Гордону удалось зажечь трубку. — Знаю. Эти так называемые похищения стали систематическими благодаря появлению определенной мотивации. Так называемое «похищение» основано, собственного говоря, только на том, что человека «отсоединяют» всеми чувствами от мира и «подключают» к компьютеру, который мир имитирует. Но, дорогой мой, собственно, вы должны по этому вопросу обратиться или к хорошим юристам, а их у вас достаточно, или к инженерам-фантоматикам. Психиатру здесь делать нечего…

— Меня удивляет, что вы так говорите, — сказал я, — ведь все дело в том, КАК человек, которому кажется, что его поместили в электронную фикцию, может убедиться, что с ним происходит НА САМОМ ДЕЛЕ. Находится ли он наяву или в каком-то кафтане электронной опасности…

— Знаете что? — Трубка, шипя, опять погасла. — Может, мы

перестанем ходить вокруг да около и подойдем к самой сути? КТО вас заказал? ЗАЧЕМ, по вашему мнению, они хотят сделать то, что мы называем сенсорной деривацией и реституцией под влиянием симуляционной программы? Откуда взялись ваши опасения и подозрения?

— Оттуда, что Билл, как и я, был пайщиком IBV Machines и наши доли были соизмеримы, а кроме того, лица… скажем так: «лица, которые могут рассчитывать на наследство», — окружали и окружают каждого из нас…

— Вы подозреваете кого-то из семьи?

— Доктор, вы врач, а не юрист. Если бы у меня были более обоснованные подозрения, я бы обратился через кого-либо из моей охраны к частным детективам. Никого конкретно я не подозреваю и предпочитаю об этом не говорить. Речь просто идет о том, что Билла похитили неизвестно как, при каких обстоятельствах, что ему надели на череп какой-то шлем с электродами, что его положили в углу какого-то чердака и что он там лежал две недели, абсолютно без еды, хотя ему казалось, что он объедается в лучших ресторанах и что его окружают какие-то одалиски и нимфы. У него всегда была слабость к девушкам легкого поведения и тяжелого веса, но я не это хотел сказать. Когда этот ток пропал, ему удалось выбраться, он потерял около двадцати килограммов веса и едва дополз до телефона. Кто за этим стоял, он не знает, или говорит, что не знает, но я догадываюсь. Речь шла о том, что называется vacuum iuris. Это мне мои юристы объяснили. Если нет закона, то нет и преступления. Он бы там с голоду умер, и через некоторое время там нашли бы его останки и, конечно, все следы этого «похищения» устранили бы таким образом, что все выглядело бы так, как будто он, скажем, сошел с ума, Конфискованный человек. Год производства 3011заморил себя голодом, ну и в бой пошли бы юристы наследников. Как об этом пишут, так сейчас и делается.

— Понимаю. И, следовательно, вы подозреваете в подобных происках кого-то из своих родственников или лиц, которые получат наследство по вашему завещанию, и вы хотите…

— Извините, доктор. Я не собирался и не собираюсь говорить с вами о наследстве и о том, что может произойти с моими миллионами. Я только хочу, чтобы вы профессионально объяснили мне, КАК можно отличить фальсифицированную реальность от реальности настоящей. Это все. С остальным, с вашего позволения, я разберусь где-нибудь в другом месте.

— Знаете что? Вы очень взволнованы. Нет, не прерывайте меня, пожалуйста. Пока, я подчеркиваю: ПОКА, вы находитесь в

состоянии настоящей реальности, и то, что я могу вам сказать о методах определения состояния, находится вне моей врачебной специальности. Может, какой-нибудь программист сказал бы вам больше и лучше…

— Но ни один программист не обязан сохранять в тайне то, что я ВАМ доверяю. Сами слухи о моих опасениях могут подорвать доверие ко мне. Поэтому, черт побери, доктор, вы будете меня просвещать или нет?

— По мере моих возможностей. — Трубка опять погасла, и у меня возникло желание вырвать ее у него из рук и выбросить в окно. — «Заказ», как вы это назвали, заключается, как известно, в том, чтобы известное кандидату окружение очень тщательно снять на пленку, сфотографировать, записать звуки и так далее. Из этого потом возникает основа программы. Кроме того, они, конечно, должны сориентироваться в самой личной и интимной жизни кандидата, и, наверное, иногда они делают «генеральные репетиции» с подопытными. Чем точнее им удастся зарегистрировать ВСЁ, что составляет окружение данной особы, ее семью, знакомых и так далее, тем больше шансов, что похищенный попадется на крючок и не отличит фикции от реальности.

— Но я же это знаю. Это можно прочитать в любой газете. Зачем вы мне об этом говорите?

— Затем, чтобы объяснить, что такая имитация известного окружения практически невыполнима. Невозможна. Достаточно того, чтобы у вас в вашем сейфе были какие-то старые письма или какая-то давняя фотография, которую вы хорошо помните, и если вдруг вы ничего не найдете, подозрение о похищении станет весьма обоснованным. Но ни к кому за помощью и советом вы не сможете обратиться… знаете почему?

— Я читал об этом. Потому, что если я закрыт в фикции, то тот, кого я буду просить о помощи, ТОЖЕ будет созданием этой фикции и начнет меня убеждать, что я живу наяву.

— Да. Именно так, и это есть созданный технологически самый совершенный в истории метод формирования солипсизма, того, который епископ Беркли…

— Оставьте же в покое епископов, доктор. Что тогда делать? Говорите же, наконец.

— Чтобы максимально затруднить дифференциацию, программисты обычно переносят похищенного в совершенно чужое для него окружение. Ну, скажем, на пороге дома его догоняет курьер с телеграммой или ему звонят от мнимого приятеля, чтобы он сразу прибыл туда-то и туда, он соглашается и, таким образом, теряет осознание реальной действительности.

При этом и близких ему людей как-то «ликвидируют». Жена вдруг должна уехать, камердинера забрала скорая помощь, потому что у него инфаркт, и так далее.

— Ага. То есть предостережением будут неожиданные изменения в образе жизни?

— Вполне возможно, но это не явные предвестники: все будет организовано по замыслу программистов.

— Так что тогда, черт возьми, делать?

— Следует делать то, что программисты были не в состоянии придумать: это называют «ломкой программы». Тогда перед фантоматизируемым открывается пустота как доказательство того, что он есть НЕ наяву.

— Откуда я могу знать, до чего может додуматься какой-то там программист-гангстер?

— От этого нет никакой панацеи. Но есть ситуация ИГРЫ: вы играете с машиной, то есть с компьютером, к которому подсоединен ваш мозг, и вы должны сами — исключительно сами, в одиночку — решать, что возможно, а что нет.

— То есть если бы я заметил приземляющуюся тарелку с зелеными человечками?..

— Ах, дорогой мой, они на такие примитивные вещи никогда не пойдут. Реальность должна быть основательно имитирована. Большего я вам сказать не смогу, могу дать только совет общего характера: во время сна, купания, утреннего туалета вы должны быть особо внимательны. Но ведь у вас есть личная охрана?

— Есть. Спасибо, доктор. Не скажу, что я от вас ожидал чуда, но вы несколько меня разочаровали. В следующую пятницу я вас опять навещу…

II

Бронированный «Феррари», на котором я ехал домой, двигался так, будто вовсе не весил три тонны. Я был доволен этим приобретением. Передо мной и за мной ехали мои люди.

Я подумал без малейшего удовлетворения, что мой образ жизни все больше делает меня похожим на какого-то главаря мафии. Артиллерии все больше - доверия все меньше. Хорошо было бы выбраться куда-нибудь в одиночку и очень далеко, Кирпич со звездно ведь надо заказать билеты, отели, и черт его знает, где может находиться какое-нибудь подслушивающее устройство. Доктор Гордон наверняка был прав в том, что все-таки следует держаться в центре своего окружения, тогда будет все же безопаснее.

Была пробка. Мы стояли, кондиционер делал, что мог, но уже немного пованивало. Бронированные стекла все-таки. В последний раз портной уговаривал меня на пуленепробиваемый жилет, но он весил почти шесть фунтов, а кроме того, говорят, что сейчас стреляют или ниже пояса, или в голову. Скоро будем передвигаться в стальных или в титановых шлемах, подумал я. Светофор поменял свет, «Феррари» мягко прыгнул вперед, как кот. Я сидел один на заднем сиденье, отделенный от водителя стеклом. Я чувствовал какой-то неприятный осадок после разговора с Гордоном, неизвестно почему. Я провел рукой по голове - самое время стричься. Не переношу длинных волос у мужчин. Но как это сделать, чтобы не подвергнуться «заказу». Мне пришло в голову, что несмотря на подлинность истории с Биллом, психиатр не принимал мои подозрения с полной серьезностью. На то он и психиатр - я пытался уменьшить подозрение. Долго ли можно так жить, в коконе защит, не следует ли связаться с каким-либо на самом деле серьезным авторитетом: как ПРЕДОТВРАТИТЬ похищение, а не как распознать, что оно УЖЕ произошло… Мы подъехали к воротам, они открылись сами, я уже слышал лай собак. Собаки не перепутают меня, не предадут и не обманут, подумал я еще, когда Петер открывал передо мной дверь машины.

III

Россини, моего парикмахера, я приказал пригласить к десяти. Дворецкий прямо перед завтраком подошел, чтобы сказать мне, что Россини отвезли в больницу, потому что он плохо себя почувствовал, но он пришлет мне вместо себя человека. Действительно, после девяти появился молодой брюнет, типичный итальянец, только для того, чтобы вручить мне тщательно закрытый пакетик. Внутри я нашел обмотанное ленточками письмо от Россини: своим напыщенным стилем он сообщал, что за «кузена» не может поручиться и поэтому советует мне поехать к своему шурину на самую окраину Манхэттена. Напротив парикмахерской находится спортивный магазин; ко мне этот его шурин приехать не может, потому что ему не на кого оставить заведение. На всякий случай я приказал позвонить в больницу, чтобы Россини подтвердил подлинность письма. Подтвердил - так мне сказал секретарь. Я взвесил ситуацию. Если я начну подозревать всех, то в конце концов сам окажусь у Гордона в закрытом отделении. Поэтому я отправил охрану в эту чертову парикмахерскую, чтобы оттуда она доложила мне, все ли в порядке. Все было нормально. Я поехал, надо было пройти еще несколько шагов. Конечно, на противоположной стороне этой улочки находился магазин, в окне которого висели разные весла, трусы и матрасы. Один из них был в красные и синие полоски. В парикмахерской Коччони царила приятная прохлада, и, кроме него, не было ни одной живой души. Я попросил постричь меня, помыть голову, и, когда он умело взялся за дело, я еще раз выглянул в окно. Один из моих людей стоял тут же у двери. Я не люблю мытья головы, но я лежал спокойно, завернутый, как младенец, в душистые простыни, парикмахер причесал меня, потом натянул мне на голову сетку.

- Снимите это.

- Прическа будет лучше держаться… - слабо засопротивлялся он.

- Снимите это немедленно.

Он снял, высушил мне волосы, которые, конечно же, рассыпались, но это было неважно. Выходя на улицу, я глянул в сторону спортивного магазина и удивился, потому что сейчас в витрине висел матрас в белые и зеленые полоски. Я поманил пальцем одного из людей моей охраны.

- Да, - сказал он, - они поменяли витрину, когда вы были у парикмахера.

Что тут можно было добавить. «Феррари» опять двинулся, и я,

прикоснувшись пару раз к голове, убедился, что она коротко острижена и еще немного влажная. Но что-то сосало у меня под ложечкой и в сердце. Я приказал шоферу ехать по другому мосту, где бывали ужасные пробки. Охрана ехала за мной. Как будто все в порядке, но я чувствовал какую-то слабость. Самое время, чтобы пойти к Гордону, подумал я, потому что и без этой фантоматической угрозы получу какое-нибудь нервное расстройство. Полчаса мы пробивались через злосчастный мост, а когда были уже недалеко от моего дома, воздух вдруг сотряс сильный взрыв. Сразу же за углом нас задержала полиция. Это была бомба, и, конечно, подложенная под мою резиденцию. Во мне возросло подозрение. Я подошел настолько близко, насколько позволили люди из пожарной охраны, стал возле полицейского и, оглядывая фасад, окруженный дымящимися развалинами, который вместе с целым этажом и кусками стен и стекла был вдавлен в такую же дымящуюся глубь дома, уже задумывался над тем, что я должен сделать, чтобы убедиться в том, что это настоящая реальность. Я вспомнил фотографии девушек, спрятанные в сейфе на первом этаже, особенно ту, Лили, которую я никогда никому не показывал. В этом я был уверен. Код я помнил, но как попасть на тот этаж? Пришлось организовать целую кампанию по извлечению сейфа: подъемный кран, люди, я уже видел этот чертов сейф, видел, как он болтался в крючьях стальных тросов, как вдруг сверху часть еще не Череп старого восьмирукасовсем обвалившейся стены рухнула прямо на стальную коробку, и в облаке пылищи все рухнуло в полную темноту подвалов.

Тогда я сделал то, что соответствовало указаниям доктора Гордона. Я приказал отвезти себя к тому спортивному магазину напротив парикмахерской и, войдя в него, попросил надувной матрас в красные и синие полоски.

- Именно такого уже нет, - выпалил небольшой лысоголовый субъект, - есть похожий, пожалуйста, красно-зеленый… вот этот.

- Но я хочу тот, который висел у вас в витрине час назад.

- Тот мы продали. Мы можем заказать точно такой, будет еще сегодня…

Я вышел из магазина, не сказав ни слова. Заглянул к парикмахеру - он поклонился мне. Я уже ничего не понимал. Я осмотрел собственные руки; домой я вернуться не мог, поэтому приказал отвезти меня в отель «Ritz», снял апартаменты и позвонил сначала жене во Флориду, а потом Гордону. Жена ни о чем не знала, а у меня не было желания разговаривать с ней об убытках, которые она понесла в результате разрушения дома, более важным для меня был Гордон, но ответил его

автосекретарь.

Я сидел в отеле на диване, с отвращением попивал тоник и про себя рассуждал о том, что мне делать. Администрация уже три раза извещала меня о репортерах, жаждущих интервью, но я сказал, что мне не до того, и приказал двоим людям из охраны стоять у моей двери. Перед этим я внимательно присмотрелся к ним, но ничего не высмотрел. Честно говоря, я никогда не вглядывался в лица своих охранников и за это сейчас расплачивался. Были они такие же, как и раньше, или нет? Впрочем, так или иначе, они менялись каждые шесть часов. Если бы я начал их расспрашивать (о чем?), то скорее предоставил бы дополнительную стратегическую информацию программе компьютера, который овладел моим мозгом - ЕСЛИ, конечно, действительно до этого дошло дело. Больше всего мне не нравилась сцена у парикмахера, тот момент, когда он натягивал сетку мне на волосы: я ее не видел. Не могли ли это быть электроды? Такой типичный фантоматизационный шлем. Может, подумал я, я уже лежу в каком-то вонючем ящике на каком-то чердаке и не нахожу способа, который бы убедил меня в том, что я ДЕЙСТВИТЕЛЬНО нахожусь в отеле. Что делать? Что делать?

Я обдумывал по очереди следующие сценарии:

1. я созову на обед в отель всех моих юристов, брокера, маклера, кассира, секретаря и так далее и присмотрюсь к ним как следует. (Но если я с моим окружением действительно «заказан», то это будут не мои люди, а фантомы, созданные компьютером);

2. я могу пригласить горничную (та, что принесла мне тоник, а потом еще что-то, была достаточно привлекательна) и изнасиловать ее (но, конечно, если она не против чего-либо подобного и не поднимет крика, то я ничего не узнаю о фантоматизации, а, скорее всего, вляпаюсь в аферу, к которой у меня сейчас нет ни малейшего желания);

3. я могу сымитировать приступ бешенства: но это самый глупый вариант, потому что меня отвезут в психиатрическую больницу;

4. я могу кого-нибудь убить, однако, если я нахожусь в реальной действительности, мне на пользу это не пойдет;

5. я должен сделать что-то неожиданное и абсолютно непредсказуемое.

Решившись на пятый номер, я спустился на первый этаж и зашел на кухню отеля. Очень удачно, потому что недалеко на стене висели различные ножи, скорее всего ножи мясника, но для начала я взялся за ручку огромного котла с каким-то супом и выплеснул все содержимое на двух поваров в белых «тюрбанах», которые смотрели на меня, остолбенев. А так как из этой

проделки я вышел, по крайней мере непосредственно, сухим, я начал при помощи большой вилки бросать какие-то зразы, которые жарились на сковородах, куда попало; ко мне уже бежало несколько людей, одетых в белое. Мало того, я сказал себе, что разве миллионер не может просто из чистого желания выливать супы и бросаться котлетами? Я вел себя как последний идиот - ничего не поделаешь, я должен был получить уверенность…

С ножом в руках я выбежал из кухни и через несколько коридоров выбрался в холл. У стойки администратора находилось несколько молодых женщин, с одной из них я стянул юбку (у нее были обычные розовые трусики), у второй я пытался выдрать волосы, и, представьте себе, они остались у меня в руке, потому что она носила парик, и я, слыша за собой какие-то крики, визг, видя, что я должен идти дальше и что уже никоим образом не могу удержать себя в этой смертельной схватке с КОМПЬЮТЕРОМ, замахнулся ножом на администратора. Удар был точен.

IV

Сейчас я сижу в камере по обвинению в убийстве, причем мои юристы хлопочут о психиатрической экспертизе, которая подтвердила бы, что я действовал в состоянии невменяемости. Если все пойдет плохо, то возможен даже электрический стул.

Но действительно ли?

Все зависит от того, на самом ли деле тот красно-синий матрас кто-то купил именно в то время, когда меня стриг парикмахер, или матрас исчез, потому что программист гангстеров оказался недостаточно точным. Так или иначе, я ничего не знаю; я пытался повеситься, но простыня порвалась.

Но на самом ли деле?